

величеству придется снять последнюю одежонку с нормандских мужиков...

Герцог и бровью не ведет. Судьба нормандских мужиков его, видимо, не беспокоит. Но Кошон слишком хорошо знает его светлость. По едва уловимым признакам, по легкому дрожанию руки, по тому, что партнер молчит дольше обычного, епископ чувствует: клюнуло! Он продолжает как ни в чем не бывало.

Десять тысяч — бешеные деньги. Бешеная удача для тех, кто деньги получит. Но это предел. Ни ливра больше. Если герцог будет упорствовать, его величество предпочтет скорее отказаться от своих планов, нежели продолжать эти переговоры.

Герцог встает. Визит окончен. Предложение, конечно, заманчивое, но он повторяет, что здесь от него мало что зависит. Он не хозяин крестьянки. Пусть епископ переговорит с сиром Люксембургом.

И, уже прощаясь, вдруг добавляет:

— Передайте его высокопреосвященству, чтобы он подумал о деньгах. Разумеется, может ничего и не выйти, но деньги нужно иметь всегда наготове. Собрать десять тысяч в разоренной стране — дело далеко не простое.

Жанна проснулась поздно. И долго не могла понять, где она находится и что с нею. Комната была просторной и светлой. Солнечный луч чуть дрожал на стене. Чистое постельное белье приятно ласкало тело. Руки были свободны.

Руки!..

Мгновенно вернулась память. Жанна подняла руки и опять увидела так хорошо знакомые шрамы, глубокие борозды, выдавленные веревкой. Теперь шрамы из красных стали черными. Они больше не болят. Как давно это было! Кажется, прошла вечность...

...После нескольких дней пребывания в Марни двушка была переведена в замок Болье, принадлежавший сирю Люксембургу. Однако владелец Жанны продолжал беспокоиться за свою пленницу: Болье